

Россия. - 1994. - 23 февр. - 1 марта. - с. 12

«Я не буду жить под крышкой рояля»

«Картины с выставки» Мусоргского, фестиваль «Декабрьские вечера». Концерт-спектакль.

Он не похож на других музыкантов. Потому что его жизнь далека от конвейера, по законам которого те живут. Он играет, когда ему этого хочется и где ему хочется. Именно из-за стремления к полной свободе Валерий АФАНАСЬЕВ, молодой лауреат, ученик Зака и Гилельса, стал невозвращенцем. А еще он - автор стихов и восьми романов, многие из которых изданы. Не в России, на Западе. Хотя и в Россию Афанасьев теперь приезжает довольно часто. Выступает на «Декабрьских вечерах», на фестивале в Нижнем Новгороде, в залах консерватории. Недавно в Большом зале прошли три его концерта. Это необычный пианист и необычный человек. Мы беседовали с ним в его доме в Версале, где он одиноко живет в окружении стеллажей огромной библиотеки на десятках языков.

- Валерий, в последнее время вы больше играете на клавиатуре компьютера, чем рояля...

- Разумеется, писать намного интереснее, чем играть на рояле. Долбить какие-то сочетания звуков, готовясь к концерту, так скучно. Об этом и Рихтер говорил, и я верю ему больше, чем Менухину, который утверждает, что его счастье состоит в том, что он занимается любимым делом, да еще и получает за это деньги. Какая же тусклая жизнь у людей, не вылезающих из футляра своей скрипки. А я вот сейчас пишу новеллы, новый цикл стихов - мне открылся совершенно новый мир. Но я счастлив, что могу совмещать литературу с музыкой, и буду, конечно, продолжать выступать. Но я не буду жить под крышкой рояля!

- Вы умеете радоваться жизни. Живете в Версале, играете только то, что вам интересно, пишете, не думая об издателях и читателях, коллекционируете книги, вина, мебель. Семь ваших романов, стихи - для изощренной интеллектуальной элиты. И вдруг - «Падение Вавилона», роман о человеке, умирающем от СПИДа, о его гомосексуальных переживаниях.

- Я не могу сказать, что мои романы для элиты. В этом суждении есть что-то мне неприятное. Это определение для плохой литературы. Для элиты - это значит игра, что-то ненатуральное. Жизнь - это калейдоскоп в руке человека, страдающего болезнью святого Витта. Что же касается

«Падения Вавилона», это не роман о СПИДе. Это роман о человеческой глупости, жестокости, лицемерии. Все мои романы трагичны. Я наслаждаюсь жизнью во всех ее проявлениях, например, в последнее время стал еще чаще бывать на винных аукционах, дегустациях. И мои романы, возможно, создают некоторую гармонию разных сторон бытия. Хотя мои герои часто подумывают о самоубийстве.

- А нет ли здесь проявления общей тенденции: быть эстетом в литературе - значит бежать от политики в «голубые» дали?

- Не могу назвать себя эстетом в литературе. Я, конечно, слежу за каждой фразой, словом, но не во имя эстетических, я бы сказал, - во имя поэтических соображений. Что касается политики - я теперь часто бываю в России и, хотя мало понимаю, что здесь происходит, не могу оставаться безучастным к ее будущему. Но я не могу судить о происходящем, и дело здесь не только в недостатке информации. Я думаю, человеку искусства бессмысленно погружаться в политику.

- Вы избрали башню из словенной кости...

- Чтобы писать, действительно лучше иметь башню, чем квартиру. Меня скорее интересуют не факты, а мифология человеческой души. Но я не могу сказать, что меня не интересует то, что происходит в жизни. Другое дело - я не могу участвовать в общественной жизни. Нет ни времени, ни знаний, ни доста-

точной популярности. А можно и я вам задам вопрос: Если бы я выставил свою кандидатуру - могли бы меня избрать в России президентом или депутатом?

- Думаю, что нет. Для этого менее всего требуются ваши достоинства. Но нужны качества, которых у вас нет. Сможете ли вы обманывать, хитрить, вступать в союзы, в сделки с неприятнейшими для вас людьми, идти напролом, шантажировать... Но главное - политика - дело еще более скучное, чем штудирование школьного эссе. Статьи, мешают или помогают рафинированная интеллигентность в реальной, практической жизни? Можно ли оставаться интеллигентом, имея дело с импрессио, фирмами звукозаписи? В Москве вам не платят за концерты и очень этому рады.

- Иногда мне все-таки платят и в России, правда, какие-то символические гонорары. Принимая в расчет ситуацию в стране, может быть, по-другому и нельзя. В то же время общеизвестно, что в России сейчас есть деньги, и очень большие. Так что ситуация отчасти двусмысленная. Все гастроли в России для исполнителей классического жанра носят благотворительный характер - думаю, долго так продолжаться не может. Что касается практической стороны концертной жизни, приходится, конечно, идти на компромиссы, иметь порой дело не с самыми приятными людьми. Но я не стремлюсь к славе, к самым знаменитым залам, поэтому я не трачу много сил и времени на неинтересное, тем более неприятное общение. Но я должен, конечно, думать о том, чтобы у меня не были пустыми холодильник и винный погреб.

- Традиционный вопрос: многие наши ведущие музыканты - за рубежом...

- То, что уезжают исполнители, никакой роли не играет. Они, конечно, нужны. Без них музыка, может быть, и не умерла бы, но во всяком случае не жила бы повсеместно. Исполнители как бы бесконечную музыку помещают в пространство и время. Это совершенно необходимо. Но в то же время они не пишут историю человеческого мозга. Они просто как-то так распевают уже готовые картины. Они могут распешивать разными способами, иногда даже некоторые считают, что это творчество, хотя

это, конечно, не творчество, а просто своего рода артистическая деятельность. Вы понимаете, они не творят. И разница между этим очень большая. В то же время творцы - писатели, художники - невероятно важны для культуры страны. И если они уезжают, это хуже. С другой стороны, вот Бродский уехал или Саша Соколов, ну и что же. Их знают и ценят в России.

- В принципе исполнитель не нуждается в каком-то особом социальном контексте, потому что это, в общем-то, довольно похвальное искусство по сравнению с настоящим творчеством. Двумя пианистами больше, тремя скрипачами меньше, какое это имеет значение для истории?

- Но в результате этого исхода на сцену Московской консерватории, Петербургской филармонии выходят люди, которых во времена Нейгауза туда и близко бы не допустили. Уж лучше вообще не слушать музыку, чем присутствовать на многих нынешних концертах, чьи-то по ведомству академических жанров.

- Если ситуация в стране нормализуется, хорошие музыканты будут приезжать, где бы они ни жили. А если нет, будет не до классики. И хорошо, если российские музыканты найдут себе где-нибудь место для профессиональной деятельности. Сегодня популярность исполнителя определяется не столько его талантом, сколько усилиями менеджеров, вниманием масс-медиа. Пустейший музыкант может оказаться в центре внимания. И могут годами, а порой никогда не заметить выдающееся явление.

- Если я правильно представляю, в отличие от многих известных эмигрантов, которые остались носителями русской культуры за рубежом, вы вполне интегрировались в западную цивилизацию. Произошло ли при этом отчуждение от русской духовной традиции или вы соединяете ее с западным менталитетом? Возможна ли такая конвергенция?

- Я не думаю о том, что вот это во мне русское, а вот это западное. Давайте это смешаем. Или давайте русское забудем, потому что Россия мне причинила боль, и вообще это все страшно и не хочу ни о чем вспоминать. У меня не было никогда таких желаний. Я ничего не хотел забыть и никого не проклинал. Все это

как-то соседствовало. Русскую культуру я очень люблю, уважаю русскую литературу, русскую музыку и русскую живопись, даже нахожу, что какие-то советские фильмы очень хороши. Эйзенштейн, например, замечательный режиссер. Да и некоторые новые фильмы мне интересны.

- Конечно, то, что я родился в Советском Союзе, это на меня повлияло, но быть носителем русской культуры - я не знаю, что это такое, окроенно говоря. Ну кто носитель русской культуры? Может быть, Войнович гораздо больше, чем Набоков, носитель русской культуры. Но Набоков несет русскую культуру гораздо выше, дальше, чем Войнович. Русская культура ведь является частью мировой. И Толстой находился под влиянием разных людей, и Гоголь, и т.д. Я не вижу особой задачи нести куда-то русскую культуру. Просто вы ей принадлежите. Так же часто говорят: вот этот человек принадлежит нашему времени. Или - вот это произведение нашего времени. Предполагается, что наше время - это какой-то особый менталитет, какой-то строй мысли, а другой строй мысли как будто принадлежит другой эпохе. Да нет же, наша эпоха тоже соткана из прошлого, из будущего, из настоящего, из разных культур. Неизвестно, какой эпохе принадлежит, например, Бах. Его сыновья считали, что он устарел. Но сейчас Бах - один из самых современных композиторов. Потому что красота всегда современна. Если бы Шекспир написал какой-нибудь сонет сегодняшним утром, это было бы прекрасно, и никто бы не стал задавать вопрос, современно это или нет. Нужно думать о красоте того, что ты делаешь, и поменьше - о том, откуда это все, современно это или нет, парижское это или тульское.

- Какая диктатура страшнее для художника: партийно-государственная или рыночная, с кем приятнее иметь дело: с чиновником Госконцерта или менеджером «Дойче граммофон»? - У меня нет опыта общения с новым чиновничеством от культуры. Что касается ГОСКО - мне приятно туда заходить пообщаться, но серьезных дел, тем более имеющих финансовое значение, в России у меня нет. Что касается менеджеров - мой опыт не очень показателен, поскольку я мало зависю от их услуг. Другое дело

- издательские отношения. Здесь, кажется, нигде не денешься от очень жесткой зависимости - ни в России, ни на Западе.

- Вы видите новую публику в залах. Шубы, бриллианты, нездешнее выражение лиц... Консервативные старушки вымерли, вечеринки интеллигентам не до изысков додекафонии, да и цены на билеты... Как вы играете перед новыми русскими?

- Я не думаю о публике в зале. Играю - остальное меня мало заботит. Публику я не чувствую. Другое дело - особенности зала, акустики. Но и это не главное.

- При всех расхождениях в среде российских эмигрантов все сходится на признании тотальной диктатуры денег в «свободном мире». Вот и вы говорите, что после падения коммунизма деньги победят окончательно.

- Общество, игнорирующее деньги, как это ни печально, долго продержаться не может. Так что падение Советского Союза закономерно, можно было только вести разговор о сроках. Деньги сегодня непобедимы, тем более что их власть уже ничто не ограничивает - ни церковь, ни аристократия, ни интеллигенция, ни тоталитаризм. Люди скоро с пяти лет будут посвящать свою жизнь деньгам. Образование, мораль только мешают их накоплению. Так давно уже в США, Японии, так будет и в России. Наука, искусство противостоять бизнесу не могут. Даже кинематограф голливудского уровня уничтожен фильмами, подобными «Динозаврам» - самой популярной ленте наших дней. Здесь нет вообще самого малого движения мысли и чувства.

- Позвольте вернуться к литературе. Не странно ли: вы пишете «Падение Вавилона» на английском, а потом поэт Г.Осокин переводит его на русский. И я вижу вашу правку по русскому тексту. Я еще могу понять, почему пишете на английском, французском, немецком, когда речь идет о национальных условиях. Но «Вавилон» - универсальное послание, язык здесь не многое решает.

- Я по-русски ничего написать бы не мог. Сейчас я почти все пишу по-английски. А вообще пусть с этим разбираются психоаналитики...

- Есть ли у вас друзья, с которыми нельзя поговорить о Джойсе и Беккете? Кого вы предпочтете в собеседники:

фашиста с хорошей эрудицией и манерами или демократа, не отягощенного воспитанием?

- Да, есть, конечно, люди, далекие от литературы, но в современном мире столько интересного - помимо Джойса и Беккета. Я не буду, конечно, общаться с фашистом ни при каких условиях. Но и с демократом, которому недостает воспитания, даже вина вместе выпить нельзя - ничего не поймет.

- Гораций и Вергилий, Флобер, Пруст и Кафка жили в одиночестве, многие писатели не утруждали себя семьей. А ваше холостяцкое жилье - выбор или «так получилось»?

- У всех этих писателей были свои мотивы. Что касается меня - может быть, я скоро изменю свой образ жизни. Сейчас я могу писать почти в любых условиях. Когда я только осваивал язык, мне даже кот в другой комнате мешал. Теперь я уже могу выдерживать другого человека рядом.

- Чем вы объясните снижение духовного, эстетического уровня в современном искусстве?

- Прежде всего - деньги, коммерциализация. Я не представляю Рахманинова в век компьютеров. Хотя сам я теперь охотно пишу на компьютере, очень удобно. Но, наверное, что-то очень важное уходит. Искусство доведено до «фана», «релекса». С другой стороны - рационализация, «правильность» - а этого мало, более того, это губительно для искусства, нужна подлинная страсть, даже безрасудство, нужно «заклинать духов», произведение должно стать не только частью твоего духа, но и частью тела. Замысел композитора сам по себе, стерильное исполнительство - плохая традиция. Я очень мало хожу на концерты - мало интересного. Если вы сравните старых и новых дирижеров, поймете, о чем я говорю. Вот еще такая деталь. Раньше была потребность в героике, в герое, теперь ее нет. Хотя потребность в герое сама по себе опасна. Ведь Гитлер, Муссолини - тоже герои. Но дирижер должен быть героем, иметь безоговорочный авторитет. Тосканини был таким, он кричал на музыкантов, ломал палочки. А сегодня бы этого ему не позволили профсоюзы.

Беседовал
Леонид ГОЛЬДИН
Фото
Александра РАТНИКОВА